

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Кафедра уголовного процесса
Специальность 40.05.02 Правоохранительная деятельность, специализация № 1 «Оперативно-розыскная деятельность» (узкая специализация – деятельность сотрудника подразделения по контролю за оборотом наркотиков)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

по теме:

Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства

Выполнил:

Слушатель группы П 1802

младший лейтенант полиции

Пунченко Александр Алексеевич

Руководитель

Доцент кафедры

уголовного процесса

кандидат юридических наук

Монид Марина Владимировна

Дата защиты:

« 23 » июня 2023 г.

Оценка: хорошо

Председатель ГЭК

полковник полиции

(специальное звание)

(подпись)

А.Т. Толубев

(инициалы, фамилия)

Красноярск 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	7
§ 1	Общая характеристика уголовно-процессуальных гарантий как правовой категории	7
§ 2	Теоретические модели систематизации гарантий в уголовном судопроизводстве	14
Глава 2	ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО- ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	20
§ 1	Механизм реализации гарантий прав участников уголовного процесса со стороны защиты	20
§ 2	Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства со стороны обвинения	32
§ 3	Особенности реализации гарантий, обеспечивающих права иных участников уголовного процесса	46
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	61

ВВЕДЕНИЕ

Права и свободы человека и гражданина, провозглашаемые Конституцией России и рядом международных актов в качестве базовой ценности государства, определяющей смысл и содержание правоприменительной, законодательной и судебной деятельности, не только признаются, но и, согласно статье 17 Основного закона, гарантируются. Непосредственные механизмы реализации таких гарантий имеют межотраслевую природу, соотносясь не только с конституционными положениями, но и с нормами уголовно-процессуального характера, если права и законные интересы субъекта принадлежат плоскости уголовного судопроизводства. При этом именно гарантии обеспечения прав и законных интересов личности следует рассматривать в качестве логического продолжения их провозглашения и закрепления, направленного на придание концепту ценности базовых прав и свобод практикоориентированного смысла. Таким образом, именно объективная необходимость уголовно-процессуальной детализации института гарантий прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, а также их безусловная и признаваемая на межгосударственном уровне значимость обуславливают **актуальность** настоящей работы.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного процесса по поводу реализации гарантий обеспечения прав и законных интересов участников, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения.

Предмет исследования составляют уголовно-процессуальные нормы, концептуально отражающие сущность и процедуру практической реализации гарантий прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

Цель работы, таким образом, заключается в оценке достаточности принятых в уголовно-процессуальном законодательстве мер, обеспечивающих эффективную реализацию уголовно-процессуальных гарантий и выявлении уязвимых аспектов данного механизма, требующих своевременной корректировки, и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда **задач**:

- охарактеризовать юридическую природу уголовно-процессуальных гарантий как института уголовно-процессуального права;
- систематизировать гарантии прав и законных интересов личности, установленные уголовно-процессуальным правом;
- рассмотреть особенности реализации гарантий, обеспечивающих права и законные интересы участников со стороны защиты;
- проанализировать механизм реализации гарантий, обеспечивающих права и законные интересы участников со стороны обвинения;
- исследовать содержание и специфику реализации гарантий, обеспечивающих права иных участников уголовного процесса.
- сформулировать предложения по корректировке уязвимых аспектов норм, устанавливающих гарантии прав участников уголовного судопроизводства.

Степень научной разработанности проблемы обуславливается наличием трудов, посвященных заявленной проблематике. В этой связи необходимо отметить малое количество исследований, комплексно и системно анализирующих институт уголовно-процессуальных гарантий: тем не менее, нельзя не отметить работы советских процессуалистов и, в частности, Ю.А. Иванова, посвященные структурному анализу гарантий прав личности в уголовном процессе, а также современных правоведов – в частности, О.В. Волколуп. Направления иных исследований сосредоточены, главным образом, точно на отдельных проблемных

аспектах, коррелирующих с конкретным правовым положением лица, чьи права и законные интересы обеспечиваются.

Теоретическая значимость настоящей работы, таким образом, заключается в обобщении существующих научных концепций в релевантной проблемной области с целью определения дальнейших тенденций и перспектив научного исследования.

Практическая значимость, являясь логическим следствием значимости теоретической, проявляется в возможности использования заключенных на основе взаимосвязанного анализа законодательных положений, судебной практики и доктринальных подходов выводов для оптимизации деятельности органов предварительного расследования, а также органов, осуществляющих процессуальный и судебный контроль, и, кроме того, модификации действующего уголовно-процессуального законодательства посредством разрешения ряда коллизионных и пробельных аспектов.

Теоретическую основу работы в части понятийного формулирования и систематизации уголовно-процессуальных гарантий составили труды О.В. Волколуп, Л.М. Володиной, Н.А. Громова, Л.Д. Кокорева, С.В. Бутова, К.Н. Гасымовой, С.Г. Лысенкова, Ю.Г. Овчинникова, Т.Б. Романовой, И.Э. Тангилова. Исследование вопросов, связанных с гарантированием прав и законных интересов лиц, вовлеченных в судопроизводство со стороны защиты, обусловило обращение к трудам С.В. Гладченковой, Н.И. Капинуса, В.И. Качалова, С.А. Медведковой, Д.Д. Пьянковой, И.В. Рудаковой; анализу обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процесс со стороны обвинения, посвящены работы Д.Я. Беговой, О.Р. Зариповой, Р.А. Ибрагимовой, П.В. Ильина, Е.Н. Клещиной, С.А. Синенко, И.Г. Смирновой, А.Н. Фоменко, М.Ю. Шадрина. Кроме того, определенное внимание в литературе уделяется также вопросу обеспечения реализации прав и законных интересов иных участников процесса, а также лиц с

неопределенным правовым положением – в частности, нельзя не отметить научный вклад Р.З. Емалетдинова, А.В. и Ю.В. Ендольцевых, Е.А. Зайцевой, А.И. Зорина, И.В. Казначая, В.Н. Капицкого, С.И. Коновалова, Л.Ю. Литвинцева, С.Д. Назарова и многих других.

Нормативная основа работы представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и рядом других федеральных законов, а также подзаконными правовыми актами – постановления Правительства Российской Федерации, приказы Генпрокуратуры России.

Эмпирическую основу составили материалы судебной практики судов общей юрисдикции в первой, апелляционной и кассационной инстанциях: решения судов Красноярского и Алтайского края, Республики Крым, Иркутской области и иных субъектов Российской Федерации. Кроме того, проанализированы материалы юридической практики Конституционного Суда России и Верховного Суда Российской Федерации.

Методологическая основа представлена совокупностью обще- и частнонаучных методов: диалектического, системного, метода научной абстракции, формально-юридического, метода анализа и синтеза и иным.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, разделенных на два и три параграфа соответственно, заключения и списка использованной литературы, включающего 70 источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§1 Общая характеристика уголовно-процессуальных гарантий как правовой категории

Процедура реализации прав и законных интересов личности неразрывно связана с элементом гарантирования, сводящимся к обеспечению законодательно определенного круга прав и интересов, что подтверждается как этимологическим, так и юридическим аспектом содержания категории «гарантия».

Так, согласно нормативному словарю общеупотребительной лексики С.И. Ожегова, гарантия – «ручательство, порука, обеспечение»¹. Аналогичным образом сущность термина раскрывается в словаре С.А. Кузнецова, соотносящего гарантии с обеспечением осуществления чего-либо или выполнения каких-либо обязательств². Следовательно, правовое упорядочивание системы общественных отношений, предусматривающей правовое положение личности в качестве обязательного элемента, не может не обращаться к анализируемой категории, в связи с чем оправданным и целесообразным видится детализация ее содержательного объема с правовой точки зрения.

Исследуя теоретическую значимость гарантий в плоскости общей теории права, Н.В. Витрук сводит рассматриваемую дефиницию к нескольким семантическим элементам, указывая на законодательное закрепление каждого из них: конкретизация пределов прав и обязанностей;

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27 изд-е, испр. – М.: АСТ: Мир и образование. – 2018. – С. 284.

² Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт. – 2008. – С. 194.

установление значимых для реализации прав и исполнения обязанностей юридических фактов; определение процессуальной формы; применение мер поощрения и стимулирующих льгот, способствующих эффективной реализации прав и исполнения обязанностей¹. Следует отметить, что в рассматриваемой позиции понятие «гарантии» контекстуально соотносится с правовым положением личности, зачастую необоснованно отождествляемым с правовым статусом личности как в научной дискуссии, так и в законодательном поле. При этом более целесообразным представляется выделение правового статуса в качестве статичного и нормативно закрепленного состояния, выступающего как первичное по отношению к правовому положению, под которым подразумевается соединение «потенциального и реального, возможного и действительного, должного и сущего»². Таким образом, общетеоретическая значимость категории «гарантии реализации прав и законных интересов» проявляется в создании предпосылок для трансформации статичного правового статуса в более динамичный и практикоориентированный институт – правовое положение.

Конкретизация дефинитивных пределов исследуемого понятия, обусловленных спецификой уголовно-процессуального права, требует обращения не только к общеправовому, но и к внутриотраслевому аспекту. В плоскости уголовного судопроизводства относительно сущности и юридической природы гарантий реализации прав и законных интересов личности сосуществуют несколько доктринальных концепций, каждая из которых заслуживает определенного внимания.

Советские процессуалисты – в частности, Л.Д. Кокорев – под гарантиями в уголовном процессе предлагали понимать систему законодательно установленных правовых средств, предназначенных, в

¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности: монография. – М.: Норма: Инфра-М. – 2017. – С. 314.

² Бутов С.В., Лысенков С.Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 10.

первую очередь, для надлежащего отправления правосудия; кроме того, в качестве факультативных целей указывается защита прав и свобод человека и достижение задач уголовного судопроизводства¹. Современные исследователи, развивая заявленную позицию, зачастую и вовсе исключали признак «защита прав и свобод человека» из перечня целей, достижение которых ставится в прерогативу уголовно-процессуальным гарантиям: «процессуальные гарантии – это система правовых средств, установленных законом, для обеспечения надлежащего отправления правосудия, осуществления задач судопроизводства по уголовным делам»². Основной недостаток подобного подхода видится именно в отказе от апеллирования к защите прав и свобод личности, поскольку гарантии, как было установлено ранее, находятся в неразрывной взаимосвязи с индивидуализированным правовым положением, в связи с чем задача обеспечения и защиты прав и свобод личности представляется не только относимой к содержанию исследуемой категории, но и базовой для рассматриваемой дефиниции.

Существует иная концепция, объясняющая сущность анализируемого понятия, согласно которой под гарантиями в уголовном судопроизводстве понимается система правовых средств, закрепленных в законодательстве и призванных обеспечить всем участникам уголовного судопроизводства возможность выполнять обязанности и использовать предоставленные права³. С одной стороны, данная позиция родственна рассмотренной выше, поскольку также базируется на системе правовых средств, с другой же – очевидна дифференциация непосредственно в семантической составляющей, поскольку последняя из упомянутых концепций связывает предназначение уголовно-процессуальных гарантий с возможностью выполнять обязанности и использовать права, иными

¹ Кокорев Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве: монография. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та. – 1984. – С. 75.

² Гасымова К.Н. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве // NOVAUM.RU. Юридические науки. – 2020. – № 28. – С. 113.

³ Химичева Г.П. Уголовный процесс: уч. пособие. – М.: МГПУ. – 2015. – С. 10.

словами, апеллирует к категории «правовое положение», о роли которой в исследовании юридической природы гарантий в уголовном судопроизводстве упоминалось ранее.

Ряд авторов, предлагая аналогичные варианты толкования дефиниции, исключают из содержательного объема признак системности, отождествляя уголовно-процессуальные гарантии с правовыми средствами¹, многообразие которых корректируется и трансформируется в зависимости от доктринальных воззрений самого автора. Подобная специфика видится необоснованной ввиду присущего категории системного и комплексного характера, что подразумевает объединение в ее дефинитивных пределах взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов – конкретных гарантий, образующих единую логичную систему.

Достаточно оригинальна непопулярная, но встречающаяся в научной литературе точка зрения, согласно которой под гарантиями в уголовном судопроизводстве следует понимать уголовно-процессуальное право полностью: например, И.Л. Петрухин поясняет, что «все уголовно-процессуальное право – от общих принципов до конкретных норм – представляет собой совокупность процессуальных гарантий»². Справедливым представляется, однако, не согласиться с подобной концепцией, поскольку уголовно-процессуальные гарантии есть институт уголовно-процессуального права, что не позволяет отождествлять семантические объемы двух понятий, соотносящихся как часть и целое. Кроме того, как отмечает Ю.Г. Овчинников, такая позиция сводится к тому, что закон гарантирует себя от себя же самого³ – данное заключение представляет собой угрозу не только в контексте современных ориентиров

¹ Громов Н.А. Уголовный процесс России: уч. пособие. – М.: Юрист. – 1998. – С. 10.

² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. – 2010. – С. 11.

³ Овчинников Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 19 (236). – С. 45.

уголовно-правовой политики, но и в контексте соответствия критериям правового государства.

Наконец, доктрине известна концепция, перемещающая акцент на субъективный фактор, отражающий правильность и законность применения уполномоченным должностным лицом нормативно установленных средств и способов, гарантирующих обеспечение прав и законных интересов вовлеченных в уголовное судопроизводство лиц. В качестве аргумента в защиту такой позиции Т.Б. Романова указывает, что само по себе законодательное закрепление системы уголовно-процессуальных гарантий слабо влияет на изменение объективной реальности, и отсутствие исполнения должностными лицами требований закона – поскольку субъективному праву участника судопроизводства, как правило, корреспондирует обязанность, возложенная на должностное лицо, условно представляющее государство в формируемых отношениях – свидетельствует о неэффективности и декларативности гарантийного механизма в целом¹. Таким образом, сторонники данного концепта под уголовно-процессуальными гарантиями предлагают понимать ответственность государства, действующего в лице правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование в законодательно определенной процедурной форме и посредством ограниченного набора средств и способов.

Следует отметить рациональность такого подхода, переводящего анализируемого дефиницию из сферы теоретической, ограниченной рамками научного понятийно-категориального аппарата, в практическую плоскость, опирающуюся на особенности современной уголовно-процессуальной деятельности. Хотя некоторые процессуалисты склонны считать процессуальные гарантии элементом исключительно научной

¹ Романова Т.Б. Правовая интерпретация понятия «уголовно-процессуальная гарантия», сущность, содержание // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 284.

терминологии¹, указание на практическую значимость категории видится необходимым условием анализа ее сущности. Актуальное законодательство, действительно, не оперирует данным термином: перечень основных релевантных уголовно-процессуальной сфере понятий, приведенный в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), также не упоминает гарантии уголовного судопроизводства и, как следствие, не раскрывает содержание данного термина. Однако следует отметить, что под «гарантиями» понимается условная система, состоящая из нормативно оформленных правил и принципов, в связи с чем можно сделать вывод о законодательном закреплении не обобщающего родового понятия, но непосредственных обеспечительных механизмов, совокупность которых семантически отождествляется с уголовно-процессуальными гарантиями как системой специфических правовых средств.

Небесполезным представляется обращение к опыту стран СНГ в аналогичной теоретико-правовой сфере, особенно потому, что уголовное судопроизводство всех стран СНГ, включая Российскую Федерацию, ориентировано на единые цели и принципы, сформулированные Модельным уголовно-процессуальным кодексом государств-членов СНГ, что позволяет предположить родственную схожесть сложившихся в странах-участницах СНГ уголовно-процессуальных институтов. Так, в теории уголовного процесса Республики Беларусь под процессуальными гарантиями подразумеваются способы, средства и условия, обеспечивающие достижение целей уголовного процесса и охрану прав и законных интересов его участников². Иные зарубежные страны, наследующие традиции романо-германской правовой системы, решают вопрос о юридической природе уголовно-процессуальных гарантий неодинаково – французские процессуалисты сводят смысл процессуальных

¹ Громов Н.А. Там же. – С. 10.

² Борико С.В. Уголовный процесс: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Адукацыя і выхаванне. – 2020. – С. 18.

гарантий к средствам противодействия осуждению невиновного и необоснованному применению мер процессуального принуждения; иными словами, акцентируют внимание, прежде всего, на относимости процессуальных гарантий к правовому статусу лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование¹.

Обобщая рассмотренные доктринальные концепции относительно содержания понятия «уголовно-процессуальные гарантии», возможным представляется обособление характерных черт, присущих анализируемой категории.

Во-первых, юридические гарантии вообще и уголовно-процессуальные в частности обладают общим «обеспечительным началом», проистекающим и из лексического значения, и из специфики функции, отведенной гарантиям в структуре современных правовых отношений, в связи с чем отождествление терминов «гарантирование» и «обеспечение» положительно резонирует с концептуальными тенденциями уголовно-процессуальной сферы.

Во-вторых, отсутствие легально закрепленной дефиниции, раскрывающей сущность гарантий в уголовном судопроизводстве, провоцирует научную дискуссию, результатом которой становятся альтернативные варианты трактования, конфликтующие друг с другом в той или иной степени, что приводит к формированию нескольких базовых концепций сущностного определения понятия «уголовно-процессуальные гарантии».

В-третьих, несмотря на ярко выраженный теоретический характер – в том числе и за счет пробела в нормативном закреплении – процессуальные гарантии обладают достаточной практической значимостью, проявляющейся во взаимосвязи использования участниками судопроизводства субъективных прав и исполнением корреспондирующей

¹ Боботов С.В. Правосудие во Франции: уч. пособие. – М.: ЕАУ. – 1994. – С. 24.

обязанности по способствованию осуществлению таких прав, возложенной на уполномоченные должностные лица правоохранительных органов.

В-четвертых, анализ юридической природы процессуальных гарантий предполагает сопоставление с категориями того же семантического объема, что свидетельствует о несостоятельности позиции о включении в систему гарантий всего многообразия уголовно-процессуального права.

Таким образом, целесообразным представляется следующее определение уголовно-процессуальных гарантий – нормативно закреплённый комплекс средств, способов и условий, обеспечивающих вовлеченному в сферу уголовного судопроизводства лицу объективную возможность реализации субъективных прав и законных интересов, а также деятельность государства в лице уполномоченных органов и должностных лиц, направленная на способствование реализации данных прав и законных интересов в установленных уголовно-процессуальными формой и принципами пределах.

§2 Теоретические модели систематизации гарантий в уголовном судопроизводстве

Итак, концептуальное разнообразие подходов к сущности уголовно-процессуальных гарантий обуславливает также существование альтернативных точек зрения на систематизацию непосредственно средств и способов обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве.

Весь спектр процессуальных гарантий может быть поделен на две большие группы: гарантии, обеспечивающие отправление правосудия, и гарантии, обеспечивающие права и законные интересы личности. В литературе встречается также выделение иных составляющих – гарантий, обеспечивающих законность; гарантий, обеспечивающих достижение истины¹. Однако разделение обеспечительных механизмов прав и законных интересов личности и, например, средств обеспечения достижения истины или законности создает искусственное противопоставление одного другому, что противоречит базовой идее современного российского уголовного процесса, к тому же, соблюдение прав участников производства является одним из условий законности всего уголовного процесса. Кроме того, назначение актуального уголовного судопроизводства, как следует из статьи 6 УПК РФ, сводится именно к защите прав и законных интересов²; рассмотрение же достижения истины как цели уголовного процесса законодательством не закреплено – в отличие от советского УПК.

Таким образом, принимая во внимание также сформулированную ранее дефиницию уголовно-процессуальных гарантий, конструкция которой предполагает двухсубъектный состав правоотношения, складывающегося между личностью и государством, следует признать существование двух крупных групп процессуальных гарантий: обеспечивающих отправление правосудия и обеспечивающих права и законные интересы индивида. В контексте проводимого анализа наибольший интерес представляет именно последняя из названных групп.

Под системой уголовно-процессуальных гарантий в научной литературе понимается органически единая целостность средств и способов, взаимодействующих друг с другом, обеспечивая права и

¹ Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: Эксмо. – 2009. – С. 18.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

законные интересы участников судопроизводства¹. Однако относительно набора конкретных средств и способов, составляющих содержание и смысл гарантийно-обеспечительного механизма, единства мнений не наблюдается.

Ряд авторов декомпозируют категорию на три составляющие: уголовно-процессуальная форма; принципы уголовного процесса; права и свободы участников судопроизводства². Встречается также аналогичная формула, дополненная элементом обязанностей должностных лиц по реализации субъективных прав участников судопроизводства³. Однако если справедливость признания уголовно-процессуальной формы и принципов уголовного судопроизводства в качестве средств и способов обеспечения прав и интересов личности, как правило, не оспаривается, то относительно целесообразности признания прав и свобод участников судопроизводства, как и корреспондирующих им обязанностей, мнения полярны.

В частности, Ю.А. Иванов сознательно исключает данные элементы из авторской модели систематизации уголовно-процессуальных гарантий, одновременно апеллируя к процессуальным санкциям, полноправно находящимся, по мнению исследователя, в системе обеспечительного механизма⁴. Категория «процессуальные санкции» не является общепризнанной в уголовно-процессуальной науке, поскольку вызывает сомнения возможность существования процессуальной ответственности как отдельного института; однако справедливым видится замечание О.В. Волколуп о том, что законодательное формулирование мер

¹ Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... доктора юр. наук: 12.00.09. – М.: Издательский дом «Буквоед». – 2007. – С. 149.

² Гриненко А.В. Уголовный процесс. Общая часть: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма. – 2009. – С. 27.

³ Уголовный процесс. Курс лекций: уч. пособие / под общ. ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М.: Омега-Л. – 2004. – С. 16.

⁴ Иванов Ю.А. Уголовно-процессуальные гарантии / Курс советского уголовного права. Общая часть: учебник / под ред. А.Д. Бойкова. – М.: Юрид. лит. – 1989. – С. 215.

принудительного воздействия, осуществляемого государством в лице компетентных органов и должностных лиц, свидетельствует о наличии праввосстановительных процессуальных санкций. Аргументом в пользу данной позиции служит, например, институт привода участника производства, уклоняющегося от явки без уважительных причин¹.

Л.М. Володина поддерживает исключение субъективных прав участников производства из системы гарантий, настаивая на недопустимости смешения конкретных прав и средств обеспечения их реализации, поскольку само по себе законодательное закрепление каких-либо субъективных прав носит декларативный, а не обеспечительный характер, и не может выступать надлежащей процессуальной гарантией их эффективной реализации². Принимая во внимание рациональность и обоснованность выдвинутой позиции, следует отметить, что хотя субъективное право, действительно, является объектом гарантии, наделение того или иного правового средства статусом гарантии невозможно вне рамок конкретного правоотношения, и если содержание такого правоотношения диктуется объективно сложившейся потребностью в процессуальной гарантии, именно она становится новым основным содержанием правового отношения, а обеспечительная функция, ранее выполняемая такой гарантией, переходит к иным средствам и способам. Иными словами, наиболее целесообразным представляется рассмотрение системы процессуальных гарантий в динамике, обуславливающей многофункциональный и трансформируемый характер обеспечительных средств.

В то же время несправедливым кажется отождествление всех уголовно-процессуальных норм, содержащих релевантные права и обязанности, со средствами обеспечения – несостоятельность такого

¹ Волколуп О.В. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: уч. пособие. / О.В. Волколуп, Ю.Б. Чупилкин. – 2-е изд., испр. и дополн. – Краснодар: КубГУ. – 2005. – С. 29.

² Володина Л.М. Уголовно-процессуальное право: уч. пособие. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ. – 2011. – С. 40.

подхода происходит из спорного характера рассмотренной ранее концепции сопоставления содержательного объема категории «гарантии уголовного судопроизводства» с уголовно-процессуальным правом вообще.

В контексте сказанного выше, согласиться следует с моделью систематизации, предложенной Ю.Г. Овчинниковым, рассматривающим систему уголовно-процессуальных гарантий в широком и узком смыслах. В широком смысле, по мнению автора, системную структуру составляют три элемента: принципы уголовного судопроизводства; права и обязанности участников процесса; корреспондирующие им обязанности уполномоченных должностных лиц – профессиональных участников процесса – по содействию реализации прав и законных интересов вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства лиц. В узком смысле под системой гарантий Ю.Г. Овчинников предлагает понимать неблагоприятные последствия в виде норм-санкций, наступающие в отношении лиц, нарушающих установленный процедурный порядок, выраженный в диспозициях соответствующих правовых предписаний – иными словами, процессуальные санкции. К таковым автор относит институт отводов, регламентируемый статьями 61-72 УПК РФ; отстранение должностного лица, ведущего предварительное расследование, от дальнейшего производства по делу (п.10 ч.2 ст.37 УПК РФ – в отношении дознавателя, п.6 ч.1 ст.39 УПК РФ – в отношении следователя); отмену или изменение ранее принятого процессуального решения и другие процессуальные институты¹. К аналогичным выводам приходят и некоторые другие авторы².

Резюмируя, уголовно-процессуальные гарантии представляют собой особую категорию в уголовном судопроизводстве, ценность и значимость

¹ Овчинников Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: Право. – 2010. – № 25 (201). – С. 57.

² Тангилов И.Э. Анализ системы уголовно-процессуальных гарантий // Вестник магистратуры. – 2017. – № 12-3 (75). – С. 166.

которой аккумулируется как в теоретической, так и в практической плоскости, а существование обуславливается необходимостью перехода от потенциального к реальному и от возможного к действительному – особенно в части реализации субъективных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, а также иных участников и лиц, вовлеченных в данную сферу без приобретения определенного процессуального статуса.

Представляя собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных правовых средств и способов обеспечения, процессуальные гарантии упорядочиваются и систематизируются, при этом в широком смысле включают в себя в качестве системных элементов принципы процесса, права и обязанности его участников и обязанности должностных лиц по реализации таких прав, а в более узком – совокупность процессуальных санкций, применяемых к нарушителю установленной процедурной формы уголовно-процессуальной деятельности.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

§1 Механизм реализации гарантий прав участников уголовного процесса со стороны защиты

Группа гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве принципиально отличается от уголовно-процессуальных гарантий законности, главным образом, функциональным предназначением, из чего следует неразрывная связь между содержанием конкретных гарантий прав личности и процессуальным статусом лица, реализация прав которого обеспечивается гарантийным механизмом. Приобретаемый в уголовном процессе статус отражает интересы, цели и задачи участия в судопроизводстве, что предполагает специфический набор прав и обязанностей участника. Кроме того, нельзя не отметить уязвимость правового положения лиц, участвующих в процессе без приобретения определенного статуса – как со стороны защиты (например, лицо, явившееся с повинной) или обвинения (заявитель), так и в качестве иного участника (в частности, не приобретший статуса свидетеля очевидец). Тем не менее, было бы несправедливо заявлять о неподверженности прав и свобод таких лиц ограничительным трансформациям уголовно-процессуального характера или отсутствию необходимости в формулировании гарантийных механизмов.

Особой социальной и правовой значимостью отличается система гарантий прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства со стороны защиты, и в первую очередь – лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Базовым в структуре правового

положения названных субъектов принято считать право на защиту, содержательный аспект которого продолжает выступать предметом научной дискуссии. Так, в доктрине сложилось несколько основных подходов, рассматривающих право на защиту как основополагающий принцип уголовного процесса вообще; одну из функций, противопоставляемую обвинительному вектору уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальный институт; деятельность лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, реализуемая как лично, так и с привлечением иных участников – защитника, законных представителей¹. Наиболее целесообразным представляется концепция, синтезирующая существующие подходы, но, вместе с тем, учитывающая определенные недостатки некоторых из них – в частности, отождествление права на защиту с функцией защиты в уголовном процессе видится некорректным, поскольку семантические пределы и юридический смысл защитительной функции, очевидно, в своем объеме значительно превышает отдельно взятое право.

Существенные коррективы в толкование права на защиту были внесены Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (далее – ПП ВС РФ № 29), согласно которому данное право следует трактовать широко, как включающее в себя не только возможность пользования помощью защитника, но и способность осуществлять защиту самостоятельно посредством закрепленного законодательством инструментария – в том числе, представлять доказательства, произносить последнее слово и иное².

¹ Гладченкова С.В., Рудакова И.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации // Вестник ВИ МВД России. – 2022. – №3. – С. 209.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2015. – №150.

В контексте узкого трактования права на защиту как права на профессионального защитника следует акцентировать внимание на ключевой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 27.06.2000 №11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова», именуемой в доктрине «правилом Маслова». Согласно выводам Конституционного Суда РФ, моментом возникновения права на помощь профессионального защитника является начало фактического уголовного преследования в отношении лица, иными словами, любая уголовно-процессуальная деятельность, существенно затрагивающая права и свободы личности¹.

Иные права уголовно преследуемого лица, круг которых законодательно очерчивается в статьях 46-47 УПК РФ, а также общих нормах-принципах, включенных в уголовно-процессуальное законодательство, несомненно, не могут рассматриваться в качестве второстепенных или факультативных. Однако именно право на защиту является системообразующим по отношению к правовому положению преследуемого лица, в связи с чем оправданным видится при анализе обеспечительного механизма прав и свобод участников судопроизводства со стороны защиты смещение акцента на средства и способы, гарантирующие, в первую очередь, беспрепятственную реализацию права на защиту.

Гарантии прав обвиняемого В.И. Качаловым рассматриваются как совокупность нескольких содержательных элементов: права профессиональных и непрофессиональных участников уголовного процесса; обязанности профессиональных участников уголовного

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 №11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда России. – 2000. – №5.

судопроизводства и самого обвиняемого; уголовно-процессуальная форма; уголовно-процессуальные институты; принципы уголовного судопроизводства¹. В целом следует согласиться с предложенной классификацией, однако отметить избыточность обособления институтов уголовно-процессуального права, поскольку иные элементы, касающиеся прав и обязанностей участников процесса, уже существуют в рамках определенных институтов. Так, например, институт обжалования включает закрепленное пунктом 10 части 4 статьи 46, пунктом 14 части 4 статьи 47 УПК РФ право подозреваемого и обвиняемого приносить жалобы на действия и бездействия, а также решения определенных должностных лиц. Кроме того, наделение обязанностей обвиняемого статусом уголовно-процессуальных гарантий прав личности видится несколько противоречивым: надо полагать, что исполнение обвиняемым нормативно установленных обязанностей коррелирует, скорее, с организационным компонентом обеспечительного механизма – гарантиями осуществления правосудия. В остальном же сформулированная В.И. Качаловым система гарантий соответствует анализированному ранее содержательным критериям уголовно-процессуального обеспечительного механизма прав и свобод и, надо полагать, применима также к правовому положению иных участников – в частности, подозреваемого.

Следует отметить, что обеспечительный механизм не лишен дефектов правового регулирования. Так, регламентированное статьей 16 УПК РФ право подозреваемого и обвиняемого на защиту, включающее в себя, по смыслу постановления ПП ВС РФ № 29, право пользоваться помощью защитника и защищаться всеми не запрещенными законом способами, гарантируется закрепленной частью 2 статьи 49 УПК РФ нормой о допуске (по определению или постановлению суда) по ходатайству в качестве защитника наряду с адвокатом иного лица, не

¹ Качалов В.И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. – 2019. – №9. – С. 92.

наделенного статусом адвоката, а в случае, если разбирательство подсудно мировому суду, иное лицо допускается к осуществлению защиты и вместо адвоката. Однако непрофессиональное и низкокачественное осуществление защитником своих функций, очевидно, может повлечь существенные нарушения прав и свобод подзащитного, в связи с чем в судебной практике устоялась тенденция отказа в удовлетворении ходатайств о допуске в качестве защитника иного лица в связи с недостаточным уровнем профессиональных навыков и образования. Тем не менее, кассационная и надзорная инстанции усматривают немотивированность и нарушение права на защиту в подобных решениях: так, Первым кассационным судом был отменен обвинительный приговор в отношении М. в связи с допущенными в первой и апелляционной инстанциях существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, выраженными в неоднократном отказе в допуске к защите иного лица по ходатайству подсудимого, мотивированном малым опытом участия иного лица в разбирательстве уголовных дел. Кассационная коллегия указывает на наделение суда не правом отклонения подобных ходатайств, а обязанностью их рассмотрения и, при отсутствии нормативно определенных поводов для отказа, удовлетворения¹. Верховным Судом РФ немотивированный отказ в допуске в качестве защитника иного лица также неоднократно признавался нарушением права на защиту².

Между тем, легальная дефиниция «иного лица» и правила его допуска к осуществлению защиты законодательно не оформлены. По смыслу части 2 статьи 49 УПК РФ такой допуск возможен лишь на судебных стадиях, в то время как в предварительном расследовании функция защиты возлагается на адвоката. В литературе неоднократно

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 по делу №77-3290/2021 // ГАС «Правосудие».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7.06.2012 №46-О12-23СП // ГАС «Правосудие».

высказывались полярные мнения относительно данной проблематики. Так, например, Пьянкова Д.Д. и Медведкова С.А. заявляют об ограничении возможностей иного лица-защитника по сравнению с адвокатом-защитником, и, кроме того, процессуальные препятствия участия не являющегося адвокатом защитника на досудебных стадиях производства влекут неспособность подозреваемого и обвиняемого защищаться выбранным по своему усмотрению способом¹, что прямо противоречит принципу обеспечения права на защиту, провозглашенному статьей 16 УПК РФ, и, как следствие, негативно сказывается на достаточности и целесообразности законодательно сформулированного механизма гарантирования прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Нельзя не отметить недостаточное регулирование правового статуса подозреваемого и механизма обеспечения его прав и свобод, хотя многие нормы уголовно-процессуального законодательства, посвященные регламентации правового положения обвиняемого, упоминают также и процессуальную фигуру подозреваемого. Момент наделения лица данным процессуальным статусом, как следует из части 1 статьи 46 УПК РФ, соответствует таким решениям и действиям органа расследования как: возбуждение дела в отношении лица; задержание лица; применение меры пресечения до предъявления обвинения; уведомление лица о подозрении в совершении преступления в порядке статьи 223.1 УПК РФ. Однако практике известен такой прием как допрос лица, уже фактически заподозренного, в качестве свидетеля, что освобождает должностное лицо от обязанности соблюдения и исполнения процессуальных норм, гарантирующих права и свободы уголовно преследуемого лица: в частности, от обязанности обеспечения участия защитника при проведении следственного действия. Судебная практика, однако, направляется в

¹ Пьянкова Д.Д., Медведкова С.А. Проблемы обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №2 (17). – С. 77.

векторе признания таких свидетельских показаний недопустимыми доказательствами. Так, лицом, в отношении которого возбуждено дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 228 УК РФ, допрошенным в качестве подозреваемого, даны показания, из содержания которых следует, что преступление было совершено в соучастии с Г., ранее в материалах дела не фигурировавшим. Г. был допрошен в качестве свидетеля, и в дальнейшем полученные показания вошли в доказательственную базу и послужили основанием для вынесения в отношении Г. обвинительного приговора. Апелляционным судом протоколы допроса Г. в качестве свидетеля признаны недопустимыми доказательствами, поскольку следствие располагало достаточными сведениями для подозрения лица в совершении преступления, и, таким образом, предприняло следственные действия не для установления фактических обстоятельств, а для изобличения конкретного лица, которому не было обеспечено право на защиту, что является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства¹.

Внимания заслуживает также институт законного представительства в уголовном судопроизводстве, выступающий гарантией обеспечения прав и свобод несовершеннолетних лиц, привлекаемых к ответственности. Неполнота процессуальной правоспособности несовершеннолетнего, таким образом, компенсируется за счет специфического обеспечительного механизма, при этом законный представитель наделяется теми же правами, что и представляемое им лицо. Однако стоит отметить, что наиболее подробно уголовно-процессуальным законодательством детализируется правовой статус законного представителя подозреваемого и обвиняемого, в то время как процессуальный статус представителя потерпевшего регламентирован достаточно поверхностно, а представителя

¹ Приговор Дудинского районного суда Красноярского края от 27.04.2015 по делу № 1-18/2015 // ГАС «Правосудие».

несовершеннолетнего свидетеля – не сформулирован вообще¹. К недостаткам правового регулирования статуса законных представителей обвиняемых и подозреваемых, препятствующим законному и справедливому производству по делу, относится, например, наделение законодателем таких представителей субъективным правом участвовать в следственных действиях, производимых с участием представляемого лица, по разрешению следователя. Следует, однако, акцентировать внимание на функции института законного представительства в уголовном процессе, заключающейся в предоставлении несовершеннолетнему дополнительных гарантий правового статуса, и правомерный отказ представителя от участия в следственных действиях – по собственной инициативе или по решению следователя – лишает уголовно преследуемого предусмотренных законодательством дополнительных гарантий. В судебной практике постановление приговора без привлечения законного представителя и учета особенностей, установленных главой 50 УПК РФ, к сожалению, имеет место быть, но, вместе с тем, беспрепятственно признается незаконным и отменяется вышестоящими судебными инстанциями².

В качестве отдельного проблемного аспекта необходимо рассмотреть механизм гарантирования прав и свобод участников судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом. Данные лица, являясь субъектами уголовно-процессуальных отношений, – что либо предусмотрено законом напрямую, либо подразумевается – тем не менее, не обособлены в рамках раздела II УПК РФ в качестве самостоятельных участников процесса, из чего следует неурегулированность как правового статуса таких лиц, так и уголовно-процессуального гарантийного механизма. Систематизация лишенных процессуального статуса участников в доктрине сводится к выделению трех групп:

¹ Литвинцева Н.Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Известия БГУ. – 2017. – №4. – С. 572.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 №77-89/2020 // ГАС «Правосудие».

1) не названные разделом II УПК РФ, но фигурирующие в иных разделах участники, чей правовой статус напрямую не регламентирован, но может быть выведен на основе синтеза специальных норм и общих положений и принципов;

2) не названные разделом II УПК РФ, но фигурирующие в иных разделах участники, чье правовое положение не регламентировано;

3) не упомянутые ни в разделе II, ни в иных разделах УПК РФ лица, которые, тем не менее, вынуждены вступать в уголовно-процессуальные отношения¹.

Очевидно, что в рамках названных обособленных категорий сосуществуют лица, вовлеченные в уголовный процесс как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, а также не имеющие собственного процессуального интереса субъекты, соотносимые с иными участниками.

Так, например, правовое положение явившегося с повинной лица уголовно-процессуальным законом не урегулировано: отсутствует легальная дефиниция в статье 5 УПК РФ; отсутствует специальная норма, устанавливающая права и обязанности лица; отсутствует упоминание в разделе II УПК РФ. Однако Верховным Судом РФ сформулирована последовательная позиция относительно надления явки с повинной доказательственным значением только при условии соблюдения и обеспечения прав явившегося с повинной лица: согласно пункту 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 №55 «О судебном приговоре», суду надлежит проверять, разъяснились ли подсудимому, обратившемуся с изобличающим себя заявлением о совершенном преступлении, положения статьи 51 Конституции РФ, право на защиту (в том числе – услуги адвоката), право обжалования действий и решений органов предварительного расследования. Кроме того, Верховный Суд РФ акцентирует внимание нижестоящих судов на

¹ Смолькова И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом // Известия БГУ. – 2017. – №2. – С. 209.

проверке обеспечения реальной возможности пользования данными правами, иными словами – о достаточной степени гарантированности¹. Правоприменительная практика судов общей юрисдикции не могла не трансформироваться под влиянием сформулированных Верховным Судом РФ правил: так, явка с повинной признана недопустимым доказательством ввиду отсутствия в протоколе сведений о разъяснении лицу упоминаемых в постановлении Пленума Верховного Суда РФ №55 прав, а также фактическом отсутствии обеспечения какого-либо из них; кроме того, учитывая, что лицо не владело русским языком в достаточной степени, органам предварительного следствия, по мнению суда, следовало обеспечить явившегося услугами переводчика². Как следует из анализа правоприменительной практики, необеспечение услугами защитника лица, являющегося с повинной, уже служит достаточным основанием для признания такой явки с повинной недопустимым доказательством – если подсудимый не подтверждает изложенные в явке обстоятельства в судебном разбирательстве³.

Таким образом, объективно сложившиеся в уголовно-процессуальном законодательстве пробелы в части регламентации уголовно-процессуальных гарантий вовлеченных в судопроизводство, но не наделенных процессуальным статусом лиц, частично компенсируется справедливой и обоснованной позицией Верховного Суда РФ, определяющей вектор развития правоприменительной практики. Тем не менее, нормативное оформление действующих в правоприменительной плоскости правил значительно поспособствовало бы укреплению и утверждению прав и свобод лиц без процессуального статуса, чье правовое положение в актуальной действительности достаточно уязвимо.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 №55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары от 10.07.2020 по делу №1-234/2020 // ГАС «Правосудие».

³ Приговор Сухоложского городского суда Свердловской области от 13.07.2020 по делу № 1-119/2020 // ГАС «Правосудие».

Однако для участников, оказывающих на ход уголовного процесса меньшее влияние ввиду «эпизодичности» собственной функции, обеспечительный механизм фактически отсутствует, поскольку отсутствуют – в законодательном формате – и сами права, гарантирование которых подразумевается. Например, наложение ареста, в соответствии со статьей 115 УПК РФ, может реализовываться органами предварительного расследования в отношении имущества не только подозреваемого или обвиняемого, но и иных лиц, несущих материальную ответственность за действия обвиняемого или подозреваемого. Надо полагать, что, чаще всего, таким лицам корреспондируют законные представители несовершеннолетнего или гражданский ответчик, то есть субъекты с оформленным и закрепленным процессуальным статусом; однако данное предположение напрямую из положений закона не проистекает, что позволяет выделить обозначенный круг лиц в качестве не наделенных процессуальным статусом. Хотя необходимо признать за такими субъектами право на обжалование действий и решений органов предварительного расследования, поскольку пересечение действий и решений органов и должностных лиц с интересами граждан вне зависимости от статуса последних является достаточной предпосылкой возникновения права на обжалование, что разъяснено Верховным Судом РФ¹, какая-либо конкретизация и детализация правового статуса и – тем более – обеспечительного механизма законом не предусмотрена.

Итак, уголовно-процессуальные гарантии прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства со стороны защиты в качестве предусмотренных разделом II УПК РФ участников теоретически обеспечивают реализацию регламентированного комплекса прав таких лиц. Правоприменительные тенденции, однако, свидетельствуют о недостаточном правореализационном потенциале закрепленных гарантий,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

что следует как из необходимости формулирования Верховным и Конституционным Судом РФ позиций относительно данной проблематики, так и из материалов судебной практики. Основным средством восстановления нарушенного порядка реализации обеспечительного механизма при этом выступает институт недопустимости доказательств; в апелляционной и кассационной инстанциях – отмена приговора. Следовательно, очевидна потребность усовершенствования контроля за достаточностью реализации уголовно-процессуальных гарантий на досудебных стадиях производства в целях, во-первых, повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования по обеспечению прав и свобод обвиняемых, подозреваемых и их законных представителей; во-вторых – в целях оптимизации нагрузки на аппарат судов общей юрисдикции.

Лица, участвующие в процессе со стороны защиты без приобретения процессуального статуса, также представляют собой достаточно проблемный с точки зрения реализации уголовно-процессуальных гарантий аспект: неурегулированность правового статуса таких лиц препятствует определению объема конкретных прав и свобод, законодательное отсутствие которых препятствует также формулированию комплекса гарантий, поскольку потребность в обеспечении какого-либо права юридически не может возникнуть в условиях непризнания законодательством такого права. Таким образом, в указанном аспекте видится целесообразным предварительная реформация нормативно-правовых положений, отражающих специфику, порядок и процессуальное положение подобных участников. В качестве следующего этапа разумно предположить следование уже обозначенным Верховным Судом РФ тенденциям правового регулирования посредством перевода изложенных в Постановлениях Пленума позиций в нормативно-правовую плоскость.

§2 Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства со стороны обвинения

Двойственное назначение уголовного процесса требует рассмотрения вопроса об обеспечении прав и интересов потерпевших от преступления лиц как не менее значимых, чем права и интересы лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Уголовно-процессуальные гарантии реализации прав потерпевших и иных участников судопроизводства со стороны обвинения (в том числе, не приобретающих процессуальный статус) корреспондируют правовому смыслу статьи 52 Конституции РФ, согласно которой за потерпевшими от преступлений признаются (а государством – обеспечиваются) права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба¹.

Как неоднократно указывалось ранее, обеспечительный механизм прав и свобод участника судопроизводства является производной от фактического процессуального положения лица, выражающегося, в том числе, в статичном правовом статусе. Однако приобретение лицом статуса «потерпевший» остается в науке уголовно-процессуального права поводом для дискуссии.

Согласно части 1 статьи 42 УПК РФ, «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». При этом решение о признании потерпевшим, процессуально

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием) (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

оформляющее и закрепляющее за лицом наличие подобного статуса, принимается после возбуждения уголовного дела, то есть в стадии предварительного расследования, что исключает возможность участия потерпевшего в судопроизводстве на более ранней стадии при проверке сообщения о преступлении.

Определенная ясность в данный вопрос вносится Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2017 №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ПП ВС №17), согласно которому признание за лицом статуса потерпевшего сопряжено с фактическим его положением и наличие такого статуса лишь констатируется, а не формируется процессуальным решением уполномоченного лица¹. Заявленная правоприменителем тенденция, безусловно, логична; однако инструменты действующего законодательства, по оценкам исследователей, обеспечить практическое воплощение такого концепта неспособны в силу ряда причин.

В частности, по мнению П.В. Ильина, невозможным представляется фактическое обладание лицом комплексом принадлежащих потерпевшему прав в стадии возбуждения уголовного дела: регламентированные в части 2 статьи 42 УПК РФ права давать показания и представлять доказательства юридически осуществимы только в более поздних стадиях; вместе с тем, закономерно возникающие в связи с проверкой сообщения о преступлении права (на уведомление о продлении сроков проверки или на обжалование принятого по результатам проверки решения должностного лица) статьей 42 УПК РФ не предусмотрены². Учитывая и признавая логичность и последовательность приведенной автором аргументации, необходимым

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

² Ильин П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... к.ю.н.: 12.00.09. – М: Академия управления МВД России. – 2015. – С. 148.

представляется указать, что право на обжалование решения об отказе в возбуждении дела принадлежит лицу, чьи интересы затронуты таким решением, в силу статьи 123 УПК РФ и дополнительной регламентации, надо полагать, не требует.

Доктриной предлагаются альтернативные пути оптимизации правового статуса лица, которому преступлением причинен вред, в стадии возбуждения уголовного дела. Согласно одной из концепций, необходимо законодательное уравнивание статусов «потерпевший» и «заявитель», сопряженное с увеличением объема прав и свобод последнего¹.

Определенные сомнения вызывает справедливость отнесения такой категории как заявитель к процессуальным статусам, регламентированным действующим УПК РФ, нормы которого хоть и упоминают заявителя как участвующих в судопроизводстве лиц (согласно части 2 статьи 141 УПК РФ, заявление о преступлении в письменном виде подписывается заявителем), но от детальной регламентации правового положения отказываются, в связи с чем в литературе отмечают фикционность данного статуса². Кроме того, обеспечиваемое положениями статьи 140 УПК РФ многообразие поводов для возбуждения дела свидетельствует о вероятности отсутствия заявителя (в последствии признаваемого потерпевшим) как процессуальной фигуры в производстве вообще. Согласно криминологическим данным, в более чем 18% случаев личность заявителя и лица, которому преступлением причинен вред, не совпадает³.

Существует иная позиция, предлагающая введение в понятийно-категориальный и законодательный аппарат принципиально нового статуса, предваряющего процессуальное появление потерпевшего и

¹ Клещина Е.Н., Шаров Д.В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. – М.: Юрлитинформ. – 2012. – С. 81-82.

² Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.09. – М.: МосУ МВД России. – 2014. – С. 12.

³ Клещина Е.Н. Криминологическое учение о жертве преступления и его практическая реализация: монография. – М.: Щит-М. – 2010. – С. 268.

сочетающая в себе как элементы его правового статуса, так и характерные признанному фикцией положению заявителя права – пострадавшего от преступления лица¹. Подобная новелла также представляется нереализуемой ввиду устойчивой проблематики регламентации правового положения лиц, не приобретающих процессуальный статус, расширение количества которых вступит в противоречие с существующими нормативными конструкциями и повлечет дальнейшее усугубление заявленной проблематики. Наиболее целесообразным представляется оперирование категорией «лицо, которому преступлением причинен вред».

Корректировка статьи 144 УПК РФ в части закрепления принадлежащих заявителю прав представляется позитивным изменением (хоть и не решающим проблему участия потерпевшего в процессе на первоначальной стадии производства), позволяющим признать за заявителем конкретный комплекс прав и, следовательно, предусмотреть и оптимизировать уголовно-процессуальные гарантии обеспечения закрепленных прав.

В современном уголовно-процессуальном праве также актуализируется проблематика, связанная с более широкой категорией участников судопроизводства, упоминаемых законодателем в ч.1.1 ст.144 УПК РФ. В первую очередь, необходимо отметить смешение различных процессуальных статусов в рамках единой нормы, поскольку одна и та же группа участников именуется дифференцированно: «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении»; «участники проверки сообщения о преступлении»; «участники досудебного производства». Надо полагать, что в рамках анализируемых общественных отношений наиболее корректно оперировать категорией «участники проверки сообщения о преступлении», поскольку досудебное производство включает в себя, помимо стадии

¹ Зарипова О.Р. Правовой статус потерпевшего и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... к.ю.н.: 12.00.09. – С-Пб.: С-Пб ун-т МВД России. – 2011. – С. 10.

возбуждения дела, также стадию предварительного расследования, а непосредственное участие в производимых при проверке сообщения о преступлении процессуальных действиях в ряде случаев не представляется возможным для отдельных категорий лиц (например, в случае причинения заявителю тяжкого вреда здоровью). Таким образом, следует согласиться с предлагаемой Е.А. Зайцевой универсализацией данного статуса в рамках «участника проверки сообщения о преступлении» и, как следствие, приведением к единому знаменателю комплекса прав и гарантий их реализации, принадлежащих данным лицам¹.

Подобный универсальный комплекс прав, как следует из содержания ч.1.1 ст.144 УПК РФ, включает в себя право не свидетельствовать против самого себя и близких родственников; пользоваться услугами адвоката; обжаловать действия и бездействия должностных лиц; требовать применения мер безопасности в порядке, установленном ч.9 ст.166 УПК РФ. При этом право пользоваться услугами адвоката, корреспондирующее конституционному праву на получение квалифицированной юридической помощи, как следует из анализа ст.144 УПК РФ и взаимосвязанных с ней нормативных положений, относится к потенциальному подозреваемому – ввиду отсутствия регламентированного механизма реализации такого права и его обеспечения в отношении заявителей и иных участников доследственной проверки. В литературе встречается мнение о допустимости применения в данном случае аналогии права, позволяющей реализовать иным участникам проверки свое право по тем же правовым алгоритмам, которые предусмотрены для потенциального подозреваемого и обвиняемого, пользующегося своим правом на защиту². Целесообразным представляется корректировка правового статуса участников

¹ Зайцева Е.А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 52.

² Надысева Э.Х. Адвокат и его процессуальный статус при оказании юридической помощи участникам доследственной проверки: проблемы теории практики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №6. – С. 183.

доследственной проверки и формулирование полного и эффективного механизма обеспечения регламентированных прав.

Отдельного внимания заслуживает законодательный акцент на предупреждении о неразглашении данных досудебного производства, дополнительно мотивируемый ссылкой на положения ст.161 УПК РФ. Однако предпринятая попытка гарантирования тайны производимых процессуальных действий с нормативной точки зрения не выдерживает критики, поскольку содержание ст.161 УПК РФ прямо указывает на недопустимость разглашения данных предварительного расследования, выступающего самостоятельной, принципиально отличной от проверки сообщения о преступлении уголовно-процессуальной стадией. Кроме того, ст.310 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования, также стадийно не связана с проверкой сообщения о преступлении.

Относительно уголовно-процессуальных гарантий прав и законных интересов потерпевшего необходимо отметить следующее: базовое право на доступ к правосудию гарантируется несколькими правовыми инструментами, дифференцированность которых обуславливается спецификой конкретной стадии уголовного процесса. В досудебном производстве гарантии сводятся, в большей степени, к деятельности органов предварительного расследования, должностные лица которых обязаны возбудить дело при наличии к тому повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления, разъяснить потерпевшему (как и иным участникам) его права, включая положения статьи 51 Конституции РФ, а также порядок обжалования и исполнить иные закрепленные уголовно-процессуальным законодательством обязанности.

В этой связи, учитывая результаты анализа структуры и эффективности средств обеспечительного комплекса прав и законных интересов участников производства со стороны защиты, нельзя не

отметить определенный дисбаланс в гарантийном механизме прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, и лиц, потерпевших от преступления. Так, конституционное закрепление находит право на получение квалифицированной юридической помощи, предоставляемой безвозмездно в ряде случаев, перечень которых определяется специальными нормативными актами. В частности, к таким актам относится и Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», согласно ч.2 ст.3 которого аналогичные отношения в уголовно-процессуальной сфере регулируются уголовно-процессуальным законодательством¹.

Тем не менее, УПК РФ как основной источник уголовно-процессуального права детализирует механизм обеспечения реализации данного права в отношении лиц, подвергающихся уголовному преследованию, в то время как лица, пострадавшие от преступлений, теоретически обладая, следуя буквальному толкованию конституционной нормы, подобным правом, оказываются фактически вне системы гарантий его реализации. Исключение, однако, составляет ч.2.1 ст.45 УПК РФ, в соответствии с которой должностным лицом обеспечивается участие адвоката в качестве представителя потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и пострадавшего от посягательства на половую неприкосновенность (в случае, если законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего заявлено соответствующее ходатайство). Оплата труда адвоката в таком случае производится за счет федеральных бюджетных средств – иными словами, речь идет о предоставлении бесплатной юридической помощи, что позволяет позитивно оценить законодательные тенденции в области гарантирования прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших.

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «Гарант».

В то же время вопрос достаточности обеспечения аналогичных прав иных категорий потерпевших остается в поле научного дискурса: ч.1.1 ст.131 УПК РФ относит к процессуальным издержкам «суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего»; однако указание на источник возмещения процессуальных издержек, альтернативно представленный, согласно ч.1 ст.131 УПК РФ, средствами федерального бюджета и средствами участников производства, отсутствует, что не позволяет сделать вывод о гарантировании права потерпевшего на бесплатную юридическую помощь и, как следствие, права на квалифицированную юридическую помощь в полном объеме.

Таким образом, небезосновательной видится предложенная Д.Я. Беговой и Ибрагимовой Р.А. концепция модификации анализируемого института, учитывающего прогрессивный зарубежный опыт в части корреляции права на бесплатную юридическую помощь не столько с конкретным статусом участника производства, сколько с уровнем финансового благополучия лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство¹. Отметим, однако, что обращение к такой корреляции не должно отменять или нивелировать уже существующие в российском уголовном процессе институты, обусловленные высокой социальной ценностью – в частности, институт обязательного участия защитника. Кроме того, первоочередным представляется формулирование механизма обеспечения права всего многообразия потерпевших на квалифицированную юридическую помощь посредством дополнения ч.2 ст.42 УПК РФ, посвященной правовому положению потерпевших, указанием на наличие аналогичного права и коррелирующей обязанности должностных лиц по его обеспечению.

¹ Бегова Д.Я., Ибрагимова Р.А. Назначение адвоката - представителя потерпевшего - как гарантия получения квалифицированной юридической помощи // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 80.

Определенный интерес вызывает также гарантирование прав потерпевшего в рамках судебного производства.

Пункт 16 части 2 статьи 42 УПК РФ наделяет потерпевшего правом на поддержание обвинения; от имени государства обвинение в судебных стадиях производства по делам публичного и частно-публичного уголовного преследования поддерживается прокурором, правомочным отказаться от обвинения полностью или частично. Отказ в данном случае носит односторонний характер, поскольку уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет требований о предварительном согласовании изменения позиции государственного обвинителя с иными лицами. Единственное исключение составляет закрепленный Приказом Генпрокуратуры России от 30.06.2021 №376 императив, обязывающий «ставить в известность вышестоящего прокурора» о выявленных обстоятельствах, способных повлечь прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, что может быть трактовано также как предписание предварительно согласовывать отказ от поддержания обвинения с вышестоящим прокурором¹ (действовавшим ранее Приказом № 465 подобная обязанность в отношении информирования утвердившего обвинительное заключение прокурора об отказе от поддержания обвинения в суде заявлялась более конкретно). Необходимость согласования с потерпевшим отказа государственного обвинителя от уголовного преследования в правовой плоскости отсутствует, вместе с тем, нельзя не отметить уязвимость прав и законных интересов потерпевшего в данной ситуации: будучи лишенным возможности изложения суду доводов в пользу доказанности вины подсудимого, потерпевший оказывается ограничен в реализации права на доступ к правосудию².

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

² Фоменко А.Н. К вопросу о необходимости учета мнения потерпевшего в случае отказа прокурора от поддержания обвинения в суде // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – №2. – С. 197.

Институт полного или частичного отказа прокурора от обвинения в судебной практике встречается, иллюстративно демонстрируя обозначенные ранее недостатки. Так, в рамках судебного разбирательства в отношении двух лиц, которым органами предварительного расследования вменялась квалифицированная кража (пп. «а», «б», «в» ч.2 ст.158 УК РФ), государственный обвинитель отказался от поддержания обвинения по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ, сославшись на неподтверждение причинения значительного ущерба потерпевшей; указывается, что подсудимые и защитники выразили согласие с изменением обвинения¹. Таким образом, складывается парадоксальный дисбаланс: суд принимает во внимание мнение стороны обвинения относительно изменения пределов доказывания, но не учитывает мнение лица, интересам которого преступлением причинен вред.

Единственной гарантией обеспечения права потерпевшего на доступ к правосудию в рассматриваемых обстоятельствах становится институт обжалования решения суда в вышестоящих инстанциях, подтвержденный Конституционным Судом РФ в постановлении от 08.12.2003 №18-П, признающем ограниченность предпосылок пересмотра подобных прекращенных дел новыми или вновь открывшимися обстоятельствами нарушением конституционных прав потерпевших² (впоследствии оспариваемая норма утратила силу – согласно действующему законодательству, допускается обжалование решения о прекращении дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и по иным основаниям).

¹ Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 10.11.2021 по делу № 1-127/2021 // ГАС «Правосудие».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 №18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. – 2003. – №257.

Схожие проблемные аспекты наблюдаются также в сфере заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В качестве участников данной процедуры статья 317.3 УПК РФ упоминает прокурора, следователя, обвиняемого или подозреваемого и его защитника. Вместе с тем потерпевший оказывается вне рамок правового регулирования, что ставит под сомнение вероятность учета его интересов при определении дальнейшего направления производства по уголовному делу. Таким образом, следует согласиться с выдвинутыми в научной литературе предложениями относительно включения в текст статьи 317.3 УПК РФ положений о признании потерпевшего полноценным участником процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и неприменимость особого порядка принятия решения при заключении такого соглашения в отсутствие согласия на то признанного потерпевшим лица¹.

Как известно, в производстве по делам частного обвинения фигура потерпевшего трансформируется в несколько иной процессуальный статус, обладание которым влечет специфический комплекс прав и гарантий их реализации. В литературе отмечается недостаточность законодательных механизмов, обеспечивающих возможность частного обвинителя осуществлять принадлежащие ему права: так, неоднократно указывалось на процессуальную уязвимость лица, наделенного подобным статусом, в силу объективного отсутствия у него необходимых специальных юридических знаний, требуемых для качественного поддержания обвинения в судебных стадиях или результативного самостоятельного участия в доказывании². В соответствии с актуальным уголовно-процессуальным законодательством, частный обвинитель наделен правом ходатайствовать перед судом об оказании содействия в собирании

¹ Комарова Е.А. Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9(189). – С. 287.

² Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю. Реформирование или упразднение частного обвинения: постановка проблемы // Мировой судья. – 2019. – № 4. – С. 15.

доказательств, что не может рассматриваться в качестве деятельности, равноценной собиранию доказательств органами предварительного расследования. Нормативное закрепление подобного порядка доказывания вступает в определенные противоречия как с правом лица на доступ к правосудию, так и с сущностью гарантийно-обеспечительного механизма в принципе.

Кроме того, сложившуюся систему уголовно-процессуальных гарантий в доктрине предлагается расширить посредством закрепления за должностными лицами, регистрирующими поступающее от частного обвинителя заявление, обязанности по разъяснению процедурных и материальных последствий, а также особенностей производства по делам частного обвинения, «чтобы позволить сделать выбор алгоритма уголовного преследования, отвечающего желаниям и ожиданиям обвинителя»¹. Хотя содержательно предлагаемые поправки небезосновательны, приводимый автором в обоснование своей позиции аргумент представляется спорным, поскольку выбор алгоритма уголовного преследования предопределяется положениями уголовно-процессуального законодательства, разграничивающего составы преступлений между разными формами уголовного преследования, и не может быть возложен на частного обвинителя, тем более – в качестве альтернативы, позволяющей ему осуществлять преследование в неоправданно широких пределах и объемах.

Надо полагать, что подобный формат научного дискурса формируется под влиянием объективно существующей потребности института частного обвинения в трансформации, и наряду с предложениями по расширению компетенций частного обвинителя, выдвигаемыми в литературе, выдвигаются также гипотезы об отказе от данного института в принципе и отнесении дел, производство по которым

¹ Коробова, А. А. Актуальные проблемы производства по делам частного обвинения в уголовном процессе // Молодой ученый. – 2021. – № 22 (364). – С. 326.

осуществляется в частном порядке, к разряду частно-публичных. Так, Пленумом Верховного Суда РФ было инициировано внесение на рассмотрение законопроекта, предусматривающего такую трансформацию¹, что может быть расценено неоднозначно, поскольку, с одной стороны, действительно, существующие недостатки в части обеспечения частному обвинителю возможности полноценного участия в процессе, учитывая, что специфика данной формы уголовного преследования не предполагает – по общему правилу – деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры по собиранию доказательств и поддержанию обвинения в суде, свидетельствуют о достаточно уязвимом положении лица, наделенного статусом частного обвинителя; с другой – полный отказ от такой формы повлечет перераспределение нагрузки на правоохранительные органы и воспрепятствует реализации механизма примирения, поскольку прекращение дела в частно-публичном порядке требует наличия дополнительных, помимо примирения сторон уголовно-правового конфликта, условий, и даже при наличии таких условий принятие решения о прекращении дела остается правом, а не обязанностью лица, ведущего производство.

Неоднородным с точки зрения полноты и справедливости обеспечения прав и свобод остается статус гражданского истца, что особенно актуализируется в связи с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, обобщенными в 2020 году в рамках постановления. Так, согласно пункту 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного проблемным вопросам рассмотрения гражданских исков в уголовных делах, расходы, связанные с погребением лица, смерть которого находится

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 44 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7?ysclid=le23c8rkqu889044350> (дата обращения: 16.01.2023).

в причинно-следственной взаимосвязи с совершенным преступлением, могут быть включены в исковые требования, предъявляемые гражданским истцом в уголовном судопроизводстве; однако согласно пункту 12, требования о возмещении вреда в случае потери кормильца предъявляются в рамках исключительного гражданского, а не уголовного процесса¹. Подобная диспропорция подвергает сомнению принцип соблюдения конституционно закрепленной социальной функции государства, актуализируя вопрос о равном обеспечении доступа потерпевшим к правосудию. Следует согласиться, что предъявление исковых требований в порядке гражданского судопроизводства при наличии обвинительного приговора, выступающего в качестве преюдициального факта, не сопряжено со значительными процессуальными усилиями по доказыванию и активному участию в судопроизводстве, однако лишение возможности разрешения подобных вопросов автоматически, в пределах уголовного судебного разбирательства, влечет дополнительную трату материальных, процессуальных и временных ресурсов потерпевшего лица.

Резюмируя, основная проблематика в области уголовно-процессуального гарантирования прав и свобод лиц, участвующих в процессе со стороны обвинения, в общем смысле корреспондирует кругу проблемных вопросов, обозначенных при исследовании аналогичного механизма в отношении уголовно преследуемых лиц, и сводится к нескольким аспектам. Во-первых, поскольку основанием любого обеспечительного механизма выступает процессуальный статус лица, неупорядоченность законодательного оформления отдельных статусов, наблюдаемая в действующем УПК РФ, не позволяет заключить существование в отношении лиц с неопределенным процессуальным положением какой-либо четкой гарантирующей системы. Во-вторых, недостатки нормативно-правового регулирования и некоторые

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. – 2020. – № 240.

правореализационные практики также объективно препятствуют реализации прав и свобод участников производства со стороны обвинения.

§3 Особенности реализации гарантий, обеспечивающих права иных участников уголовного процесса

Помимо участников судопроизводства, выступающих в процессе со стороны защиты или обвинения, уголовно-процессуальное законодательство регламентирует также правовые статусы иных участников, способствующих осуществлению правосудия. Одной из центральных фигур в данной субъектной группе выступает свидетель.

Ключевой особенностью обеспечительного механизма прав и законных интересов свидетелей является особый законодательный акцент на мерах безопасности, применяемых, в соответствии с частью 3 статьи 11 УПК РФ, в целях охраны жизни, здоровья и имущества данных лиц. Отметим, что сфера применения упомянутых мер распространяется также на потерпевших и иных участников производства, поскольку наиболее значимый критерий реализации защиты в данном случае – наличие достаточных данных об угрозе противоправными действиями. Наиболее подробно система мер защиты и процессуальный порядок их реализации регламентируется отдельным нормативным актом – федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»¹, что свидетельствует об определенном направлении государственной уголовной политики, положительно

¹ Федеральный закон от 20.08.2004 №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

резонирующем как с принципом охраны прав и свобод личности в уголовном процессе, так и с базовой идеей современного судопроизводства.

Правовые способы и средства обеспечения безопасности свидетелей и иных участников судопроизводства помимо упомянутого специального акта устанавливаются также нормами УПК РФ. Например, в соответствии с частью 9 статьи 166 УПК РФ, допускается обезличивание сведений об участвующем в процессе лице, заключающееся в праве дознавателя или следователя не указывать в протоколе следственного действия данные, относящиеся к охраняемому субъекту и позволяющие установить его личность. Так, например, в практике расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, информация о свидетеле может обезличиваться различными псевдонимами; по делам о сбыте наиболее часто встречаемое – «покупатель»¹. Также в материалах правоприменительной практики обнаруживается подход, согласно которому целой группе свидетелей присваиваются псевдонимы с порядковыми номерами: «С1», «С2», «С3» и т.д.².

Частью 8 статьи 193 УПК РФ регламентирована возможность исключения визуального наблюдения опознающего опознаваемым при производстве предъявления для опознания. Практический смысл применения подобной меры аналогичен предыдущему способу: личность свидетеля (очевидца) остается конфиденциальной для причастных к преступлению лиц. Особенное значение исключение визуального наблюдения приобретает в условиях расследования деятельности организованных преступных групп. Например, при производстве по делу о незаконном вооруженном формировании, действующем на территории Республики Крым с целью нарушения территориальной целостности

¹ Приговор Даниловского районного суда Волгоградской области от 22.07.2020 по делу № 1-20/2020 // ГАС «Правосудие».

² Приговор Павловского городского суда Алтайского края от 17.01.2020 по делу № 1-1/2020 // ГАС «Правосудие».

Российской Федерации, указанная мера применялась в отношении бывшего участника данного формирования, вовлеченного в процесс в качестве свидетеля¹.

Положениями части 5 статьи 278 УПК РФ предусмотрена такая мера обеспечения безопасности как допрос свидетеля в судебном заседании в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками, что является логическим дополнением к рассмотренному ранее средству, установленному частью 8 статьи 193 УПК РФ. Практика применения также довольно обширна – примером может выступить и упомянутое дело о незаконном вооруженном формировании, и некоторые связанные со сбытом наркотических средств преступления².

УПК РФ предусматривает и иные меры – закрытое судебное разбирательство, контроль и запись телефонных и иных переговоров. Однако комплекс заявленных средств и способов был бы неполным без рассмотрения специальных, в доктрине зачастую именуемых «внепроцессуальными», мер, предусмотренными упомянутым ранее законом. Надо полагать, что термин «внепроцессуальные меры» указывает лишь на определенную правовую природу, то есть отличный от УПК РФ нормативно-правовой акт, регулирующий отношения по их применению, поскольку вне рамок уголовного процесса подобного рода отношения существовать, очевидно, не могут. Итак, согласно статье 6 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» №119-ФЗ (ФЗ №119-ФЗ), существует перечень специальных мер безопасности, допускаемых к применению в отношении защищаемого лица: переселение на другое место жительства, изменение внешности, замена документов и иные.

¹ Приговор Черноморского районного суда Республики Крым от 20.07.2020 по делу № 1 44/2020 // ГАС «Правосудие».

² Приговор Братского городского суда Иркутской области от 18.02.2020 по делу № 1-36/2020 // ГАС «Правосудие».

Сформулированный механизм обеспечения безопасности следует признать несовершенным по ряду причин, устойчивое существование которых неоднократно отмечалось в литературе. Во-первых, статьей 16 ФЗ №119-ФЗ отмечается такой критерий применения мер защиты как «реальность угрозы» – оценочное понятие, содержательная интерпретация которого в отсутствие законодательно установленных дефинитивных пределов может значительно дифференцироваться в правоприменительной практике, оказывая негативное влияние на степень обеспечения прав и законных интересов защищаемых лиц. Как справедливо отмечается в работе Короленко И.И. и Непранова Р.Г., должностные лица органов предварительного расследования в условиях объективно складывающегося на отдельных этапах судопроизводства информационного дефицита оказываются процессуально ограничены в возможностях реализации рассматриваемого института по причине невозможности объективной оценки возникшего угрожающего фактора и его влияния на участие свидетеля (иного участника) в процессе¹.

Во-вторых, необходимо указать на недостаточную детализацию порядка применения отдельных мер. В частности, такое замечание справедливо по отношению к изменению внешности, о которой в ФЗ №119-ФЗ упоминается поверхностно, в рамках бланкетной нормы, отсылающей к специальному акту Правительства РФ. В Правилах применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, утвержденных Постановлением Правительства РФ, порядок реализации данного средства также не раскрывается, указывается лишь на производство медицинской операции, трансформирующей внешность, «в пределах, обеспечивающих эффективность этой меры безопасности»².

¹ Короленко И.И., Непранов Р.Г. Проблемы защиты свидетелей и потерпевших в уголовном процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – №2. – С. 149.

² Постановление Правительства РФ от 27.10.2006 №630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших,

Конкретные же границы таких пределов, как и в случае с реальностью угрозы, остаются в области свободной интерпретации.

В-третьих, нормативно-правовое регулирование данного механизма не всегда учитывает необходимость логической взаимосвязи нескольких мер защиты. Так, изменение места работы или учебы при условии, что фактический адрес проживания не изменился, видится малоэффективным и неспособным минимизировать уязвимость участвующего в процессе субъекта.

Наконец, неоправданным видится сложившийся в системе мер безопасности дуализм правовой природы. Действительно, как следует из проведенного анализа, предусматриваемые в рамках УПК РФ и ФЗ № 119-ФЗ средства и способы не дублируют друг друга и составляют две отдельные группы, пересекающиеся в некоторых частных моментах; представляется целесообразным унифицировать данный комплекс посредством вынесения всего многообразия средств в область единого правового акта¹.

Проблемное поле гарантирования прав и законных интересов иных участников судопроизводства, однако, не ограничивается исключительно сферой обеспечения безопасности посредством специальных мер защиты и вступает в корреляцию с иными, более традиционными для данного аспекта институтами. Так, определенной критике подлежат положения уголовно-процессуального законодательства, касающиеся свидетельского иммунитета – права не свидетельствовать против определенного круга лиц. Поскольку субъектный состав таких лиц строго регламентирован закрытым перечнем, включающим самого свидетеля и его близких родственников, круг которых определен пунктом 4 статьи 5 УПК РФ, отказываться от дачи показаний в отношении иных лиц свидетель не

свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Мельникова Е.Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №3 (43). – С. 255.

вправе (иное может повлечь наступление уголовной ответственности, согласно статье 308 УК РФ). Однако очевидно, что близкие личные отношения не всегда оформлены юридически, что, тем не менее, не препятствует их объективному существованию (например, нахождение в незарегистрированных в органах записи актов гражданского состояния фактических брачных отношениях либо же в отношениях, заявление о юридическом оформлении которых подано в соответствующий орган, но брак еще официально не зарегистрирован), и подобный формат законодателем признается, например, в пункте 3 статьи 5 УПК РФ, раскрывающей содержание категории «близкие лица» как лица, состоящие в свойстве или иных личных отношениях со свидетелем или потерпевшим, в силу которых жизнь, здоровье и благополучие таких лиц «дороги свидетелю, потерпевшему». Однако в рамках свидетельского иммунитета данная категория лиц игнорируется, что приводит к уязвимости процессуального положения свидетеля, принуждаемого к даче показаний против близких лиц, не являющихся его близкими родственниками, под угрозой привлечения к уголовной ответственности. Таким образом, следует согласиться с позицией правоведов, предлагающих расширить круг лиц, охватываемых институтом свидетельского иммунитета, включив в перечень также близких лиц (пункт 3 статьи 5 УПК РФ) и неблизких родственников (пункт 37 статьи 5 УПК РФ)¹.

Определенный интерес вызывает юридическая обоснованность распространения института свидетельского иммунитета на очевидцев ввиду отсутствия закрепления процессуального положения лиц. Тем не менее, участие в судопроизводстве очевидцев подразумевается исходя, например, из части 2 статьи 91 УПК РФ, согласно которой одним из оснований задержания подозреваемого является указание очевидца на такого подозреваемого как на лицо, совершившее преступление. Таким

¹ Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Обеспечение прав и законных интересов свидетеля при производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. – 2018. – №4. – С. 131.

образом, речь идет об еще одном неопределенном правовом статусе лица, привлекаемого к производству, но не являющегося его полноценным участником. При этом процессуальные функции очевидца, надо полагать, аналогичны свидетельским, в связи с чем целесообразным видится наделение очевидцев правом об отказе от дачи объяснений в отношении определенного круга лиц. Аргументируя справедливость подобной позиции, И.В. Казначей и С.Д. Назаров отмечают, что находящиеся в условном статусе очевидца священнослужители или адвокаты вынуждены сообщить сведения об обстоятельствах, ставших известными в связи с исполнением служебных обязанностей; возбуждение же уголовного дела и последующий перевод данных лиц в свидетельскую категорию позволит таким субъектам воспользоваться правом на отказ от дачи показаний, и подобное положение противоречит логике планирования эффективной уголовно-процессуальной деятельности¹.

С целью обеспечения права свидетелей на квалифицированную юридическую помощь уголовно-процессуальным законодательством предусматривается возможность данных лиц пользоваться услугами адвоката, однако границы таких услуг строго очерчены плоскостью отдельных следственных действий и не предполагают правозащитной и консультационной адвокатской деятельности в отношении свидетеля как иного участника уголовного процесса в рамках, выходящих за пределы производства следственных действий. Так, в силу ч.5 ст.189 УПК РФ свидетель имеет право явиться с адвокатом на допрос, а в силу ч.6 ст.192 УПК РФ – на очную ставку. Присутствие адвоката свидетеля при производстве иных следственных действий законом разрешается косвенно в некоторых случаях, напрямую не связанных со свидетельским статусом: например, согласно ч.11 ст.182 УПК РФ допускается присутствие адвоката лица, в помещении которого производится обыск, при этом, очевидно, в

¹ Казначей И.В., Назаров С.Д. Фантомы уголовного судопроизводства – заявитель и очевидец как участники проверки сообщения о преступлении // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – №2. – С. 25.

качестве такого лица может выступать не только подозреваемый или обвиняемый – в том числе и потенциальный – но и свидетель. Подобное ограничение перечня процессуальных ситуаций, допускающих реализацию права свидетеля пользоваться услугами адвоката, представляется неоправданно сжатым, поскольку потребность в адвокатской консультации может возникнуть у любого лица, вовлеченного в уголовное производства, при производстве и иных следственных действий, в связи с чем целесообразным видится обобщение положений, регламентирующих данный институт, посредством дополнения комплекса прав свидетеля правом на пользование услугами адвоката при производстве следственных действий. Вместе с тем следует согласиться с распространенным в литературе мнением о том, что активизация роли адвоката свидетеля в досудебном производстве, приравнивающая исполняемые функции по масштабу и цели к деятельности представителя потерпевшего или защитника подозреваемого и обвиняемого не представляется необходимой ввиду очевидного различия в целевом и функциональном компоненте процессуального участия свидетеля и участников, имеющих собственный процессуальный интерес в судопроизводстве¹.

Состав иных участников уголовного процесса, в соответствии с Главой 8 УПК РФ, не ограничивается исключительно свидетелями совершенного преступления, к которым относятся и очевидцы, но подразумевает также регламентацию статуса «свидетелей производства следственных действий» – понятых, в отношении которых, надо полагать, возможно применение мер защиты, исследованных ранее. Кроме того, необходимо акцентировать внимание на таких субъектах как психолог и педагог, чье участие в судопроизводстве само по себе является гарантией прав и законных интересов несовершеннолетних участников процесса.

¹ Коновалов С.И., Баев А.А. Свидетель как субъект получения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – №2-2. – С. 45.

Процессуальное положение данных субъектов осложняется законодательным пробелом в части регламентации прав и обязанностей, а также требований, предъявляемых к квалификации (сложившаяся юридическая неопределенность оказывает негативное влияние как на гарантирование прав педагогов и психологов, так и на достаточность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, привлечение которых к производству и явилось предпосылкой участия специальных субъектов). Справедливым будет отметить позитивную тенденцию к трансформации уголовно-процессуального закона в этой части посредством дополнения статьи 5 УПК РФ пунктом 62, содержащим легальную дефиницию понятия «педагог»; однако ввиду отсутствия подобных изменений в отношении психолога, а также отказ от дальнейшей реформации заявленного института посредством детализации процессуального положения и правового статуса. Следовательно, привлекаемые к участию в процессе в качестве педагога или психолога лица выступают как лица с неопределенным правовым статусом, основная проблематика гарантий прав и законных интересов которых уже отмечалась ранее.

Наконец, нельзя не обратить внимание на отнесенного к иным участникам субъекта, занимающего двойственное процессуальное положение, будучи привлеченным к участию в нескольких процессах: исполняя функции обвиняемого в производстве по одному делу и функции свидетеля в производстве по другому. Речь идет о лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, регулированию процессуального положения которого посвящена статья 56.1 УПК РФ. Определенная процессуальная выгода для такого лица, заключающего досудебное соглашение, сводится к предусмотренной пунктом 7 части 2 статьи 317.3 УПК РФ норме, предписывающей указывать в соглашении смягчающие обстоятельства и нормы

материального права, «которые могут быть применены в отношении подозреваемого или обвиняемого». Между тем, действительное применение заявленных норм остается в области усмотрения правоприменителей. Следовательно, обеспечение прав и законных интересов такого участника гарантируется правом специального субъекта, от реализации которого тот волен отказаться. Исследуя данную проблематику, правоведы сходятся в мнении о необходимости обращения к институту судебного и процессуального контроля, потенциально способного стать надлежащей гарантией прав заключающего досудебное соглашение лица¹.

Резюмируя, не имеющие собственного процессуального интереса в исходе дела иные участники уголовного судопроизводства, оказываясь вовлеченными в процессуальную сферу, наделяются соответствующими правами, а следовательно – специфическими гарантиями их реализации. Особый интерес представляют меры безопасности, регламентированные непосредственно УПК РФ и ФЗ №119-ФЗ, составляющие в совокупности единый механизм охраны жизни, здоровья и собственности потерпевших, свидетелей и иных участников производства, требующий дополнительной корректировки и детализации. Также необходимо констатировать наличие и в данной субъектной группе лиц с неопределенным процессуальным статусом – очевидцев, педагогов, психологов, регламентация прав которых и принятие мер по нормативному обеспечению их реализации видится перспективным направлением уголовно-процессуальной политики. Кроме того, выявлена потребность в позитивных трансформациях в отношении гарантирования прав лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.

¹ Емалетдинов Р.З., Зорин А.И., Капицкий В.Н. Процессуальный статус лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №2 (182). – С. 144.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закрепление прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в качестве участника со стороны защиты или обвинения, а также иного участника, не имеющего собственного процессуального интереса, или лица, не приобретающего определенный процессуальный статус, безусловно, отражает соответствие современным тенденциям развития уголовно-процессуальной и уголовно-правовой государственной политики в части обеспечения состязательности и законности судопроизводства и возрастающую социальную роль данной правовой отрасли. Однако формальное закрепление правового статуса в нормативной базе носит декларативный характер и, надо полагать, не оказывает на общественные отношения должного влияния. В этой связи очевидно обращение законодателей к механизму обеспечения прав и свобод личности в уголовном процессе посредством внедрения в уголовно-процессуальную плоскость гарантийных инструментов.

В рамках настоящего исследования установлена корреляция между уголовно-процессуальными гарантиями прав личности и трансформацией их статичного правового статуса в более динамичный институт – правовое положение. Относительно содержательного компонента рассматриваемой категории проанализированы разнородные доктринальные концепции и сформулировано следующее авторское определение, учитывающее преимущества и недостатки существующих в литературе подходов: под уголовно-процессуальными гарантиями предлагается понимать нормативно закрепленный комплекс средств, способов и условий, обеспечивающих вовлеченному в сферу уголовного судопроизводства лицу объективную возможность реализации субъективных прав и законных интересов, а также деятельность государства в лице

уполномоченных органов и должностных лиц, направленная на способствование реализации данных прав и законных интересов в установленных уголовно-процессуальными формой и принципами пределах.

Установлено также многообразие концепций систематизации существующих уголовно-процессуальных гарантий, из которых наиболее целесообразным представляется подход, рассматривающий данную систему в широком – как комплекс общепроцессуальных принципов, прав и обязанностей участников производства, а также обязанностей должностных лиц по обеспечению реализации прав участников – и узком смысле – как совокупность санкций, применяемых к нарушителю процессуальной формы.

В зависимости от процессуального статуса участника был определен круг проблемных аспектов, связанных с гарантированием прав и свобод личности в уголовном процессе, связанных с целями и функциями участия такого лица в судопроизводстве. Так, применительно к обвиняемому и подозреваемому установлены законодательные и правоприменительные несовершенства реализации права на защиту, нормативные недостатки института законного представительства и лиц без определенного процессуального статуса: лиц, явившихся с повинной, и лиц, на имущество которых наложен арест.

Кроме того, применительно к участникам процесса со стороны обвинения установлено наличие процессуальных препятствий полноценного обеспечения участия в производстве заявителей; потерпевших; участников доследственной проверки, которым преступлением причинен вред; гражданских истцов и частных обвинителей.

Степень обеспечения реализации прав и свобод иных участников производства – в частности, свидетелей, очевидцев и лиц, в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство – также

признана недостаточной, как и эффективность гарантийного механизма лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения без приобретения конкретного регламентированного процессуального статуса.

С целью позитивной модернизации анализируемого института сформулирован ряд предложений, направленных на усовершенствование существующего нормативно-правового регулирования релевантной сферы общественных отношений:

1) дополнить статью 5 УПК РФ легальными дефинициями таких категорий как «иное лицо, допущенное к защите обвиняемого», «лицо, явившееся с повинной», «реальность угрозы» (в контексте применения мер безопасности к потерпевшим и свидетелям), «заявитель», «очевидец», «психолог»;

2) закрепить нормативно правила и критерии допуска иного лица к осуществлению защиты обвиняемого в судебных стадиях производства по делу;

3) отразить в уголовно-процессуальном законодательстве права, обязанности и гарантии реализации прав и свобод лиц с неопределенным правовым статусом: лицо, явившееся с повинной, лицо, на имущество которого наложен арест, лицо, которому преступлением причинен вред, заявитель, очевидец, участники проверки сообщения о преступлении, психолог и педагог;

4) детализировать комплекс обязанностей законных представителей несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, переводя субъективное право присутствия при производстве следственных действий в обязательственную форму;

5) оптимизировать алгоритм участия в процессе лица, которому преступлением причинен вред, посредством модернизации регулирования порядка проверки сообщения о преступлении и уточнения перечня исковых требований, которые гражданский истец вправе заявить в

уголовном деле, а также обеспечения участия потерпевшего в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

б) скорректировать механизм обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших, унифицировав комплекс существующих мер в рамках единого нормативного акта и детализировав порядок их реализации;

7) расширить действие свидетельского иммунитета на очевидцев, указав на недопустимость привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний в отношении близких лиц и неблизких родственников.

В качестве практических рекомендаций следует отметить необходимость ориентации органов предварительного расследования и суда на неукоснительное соблюдение закрепленных прав и свобод личности вне зависимости от специфики процессуального положения, учитывающей позиции Конституционного и Верховного Судов РФ. Кроме того, небезосновательным видится тенденция к активизации инструментов процессуального контроля – особенно на досудебных стадиях производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием) (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 27.10.2006 № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Гарант».

II. Монографии учебники, учебные пособия

7. Боботов, С.В. Правосудие во Франции: уч. пособие / С.В. Боботов. – М.: ЕАУ, 1994. – 198 с.
8. Борико, С.В. Уголовный процесс: учебник / С.В. Борико. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2020. – 407 с.

9. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности: монография / Н.В. Витрук. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 447 с.
10. Волколуп, О.В. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: уч. пособие. / О.В. Волколуп, Ю.Б. Чупилкин. – 2-е изд., испр. и дополн. – Краснодар: КубГУ, 2005. – 160 с.
11. Володина, Л.М. Уголовно-процессуальное право: уч. пособие / Л.М. Володина. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. – 295 с.
12. Громов, Н.А. Уголовный процесс России: уч. пособие / Н.А. Громов. – М.: Юристъ, 1998. – 552 с.
13. Гриненко, А.В. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / А.В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 496 с.
14. Иванов, Ю.А. Уголовно-процессуальные гарантии / Курс советского уголовного права. Общая часть: учебник / под ред. А.Д. Бойкова. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.
15. Уголовный процесс. Курс лекций: уч. пособие / под общ. ред. В.И. Качалова, О.В. Качаловой. – М.: Омега-Л, 2004. – 407 с.
16. Клещина, Е.Н. Криминологическое учение о жертве преступления и его практическая реализация: монография / Е.Н. Клещина. – М.: Щит-М., 2010. – 351 с.
17. Клещина, Е.Н., Шаров, Д.В. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография / Е.Н. Клещина, Д.В. Шаров. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 282 с.
18. Кокорев, Л.Д. Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве: монография / Л.Д. Кокорев. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 159 с.
19. Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1534 с.
20. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И.

Скворцова. – 27 изд-е, испр. – М.: АСТ: Мир и образование, 2018. – 1360 с.

21. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. И.Л. Петрухин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 685 с.

22. Россинский, С.Б. Уголовный процесс: учебник / С.Б. Россинский. – М.: Эксмо, 2009. – 736 с.

23. Химичева, Г.П. Уголовный процесс: уч. пособие / Г.П. Химичева. – М.: МГПУ, 2015. – 180 с.

III. Научные публикации и статьи в иных периодических изданиях

24. Бегова, Д.Я. Назначение адвоката - представителя потерпевшего - как гарантия получения квалифицированной юридической помощи / Д.Я. Бегова, Р.А. Имбрагимова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 77-82.

25. Бутов, С.В. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий / С.В. Бутов, С.Г. Лысенков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4 (35). – С. 6-11.

26. Гасымова, К.Н. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / К.Н. Гасымова // NOVAUM.RU. Юридические науки. – 2020. – № 28. – С. 112-116.

27. Гладченкова, С.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации / С.В. Гладченкова, И.В. Рудакова // Вестник ВИ МВД России. – 2022. – №3. – С. 208-214.

28. Емалетдинов, Р.З. Процессуальный статус лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве / Р.З. Емалетдинов, А.И. Зорин, В.Н. Капицкий // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №2 (182). – С. 141-144.

29. Ендольцева, А.В. Обеспечение прав и законных интересов свидетеля при производстве по уголовному делу / А.В. Ендольцева, Ю.В. Ендольцева // Вестник экономической безопасности. – 2018. – №4. – С. 129-134.

30. Зайцева, Е.А. Уголовно-процессуальный статус участников проверки сообщения о преступлении и их правовая активность / Е.А. Зайцева // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2 (17). – С. 50-53.

31. Зарипова, О.Р. Правовой статус потерпевшего и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – С-Пб.: С-Пб ун-т МВД России. – 2011. – 30 с.

32. Ильин, П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М: Академия управления МВД России. – 2015. – 246 с.

33. Казначей, И.В. Фантомы уголовного судопроизводства – заявитель и очевидец как участники проверки сообщения о преступлении / И.В. Казначей, С.Д. Назаров // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – №2. – С. 21-26.

34. Капинус, Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... доктора юр. наук: 12.00.09. – М.: Издательский дом «Буквоед». – 2007. – 547 с.

35. Качалов, В.И. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве / В.И. Качалов // Российское правосудие. – 2019. – №9. – С.86-93.

36. Комарова, Е.А. Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Е.А. Комарова // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9(189). – С. 286-287.

37. Коновалов, С.И., Баев, А.А. Свидетель как субъект получения квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве

/ С.И. Коновалов, А.А. Баев // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – №2-2. – С.40-45.

38. Коробова, А. А. Актуальные проблемы производства по делам частного обвинения в уголовном процессе / А.А. Коробова // Молодой ученый. – 2021. – № 22 (364). – С. 323-327.

39. Короленко, И.И. Проблемы защиты свидетелей и потерпевших в уголовном процессе / И.И. Короленко, Р.Г. Непранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2020. – №2. – С.147-152.

40. Литвинцева, Н.Ю. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства / Н.Ю. Литвинцева // Известия БГУ. – 2017. – №4. – С. 568-576.

41. Мельникова, Е.Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства / Е.Ф. Мельникова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №3 (43). – С. 253-260.

42. Надысева, Э.Х. Адвокат и его процессуальный статус при оказании юридической помощи участникам доследственной проверки: проблемы теории практики / Э.Х. Надысева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – №6. – С. 180-183.

43. Овчинников, Ю.Г. Система уголовно-процессуальных гарантий / Ю.Г. Овчинников // Вестник Южно-Уральского Государственного Университета. Серия: Право. – 2010. – № 25 (201). – С. 54-58.

44. Овчинников, Ю.Г. Понятие уголовно-процессуальных гарантий / Ю.Г. Овчинников // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2011. – № 19 (236). – С. 42-46.

45. Пьянкова, Д.Д., Медведкова, С.А. Проблемы обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту / Д.Д. Пьянкова, С.А. Медведкова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – №2 (17). – С. 74-78.

46. Романова, Т.Б. Правовая интерпретация понятия «уголовно-процессуальная гарантия», сущность, содержание / Т.Б. Романова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 4 (32). – С. 280-285.

47. Синенко, С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М.: МосУ МВД России. – 2014. – 42 с.

48. Смирнова, И.Г. Реформирование или упразднение частного обвинения: постановка проблемы / И.Г. Смирнова, М.Ю. Шадрин // Мировой судья. – 2019. – № 4. – С. 14-19.

49. Смолькова, И.В. Участники уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом / И.В. Смолькова // Известия БГУ. – 2017. – №2. – С. 205-210.

50. Фоменко, А.Н. К вопросу о необходимости учета мнения потерпевшего в случае отказа прокурора от поддержания обвинения в суде / А.Н. Фоменко // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – №2. – С. 196-198.

51. Тангиров, И.Э. Анализ системы уголовно-процессуальных гарантий / И.Э. Тангиров // Вестник магистратуры. – 2017. – № 12-3 (75). – С. 165-166.

IV. Интернет-ресурсы

52. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 44 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7?ysclid=le23c8rkqy889044350>.

V. Эмпирические материалы

53. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 №11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда России. – 2000. – №5.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 №18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. – 2003. – №257.

55. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – 2015. – №150.

56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 №1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. – 2016. – №277.

60. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2020 №77-89/2020 // ГАС «Правосудие».

61. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 по делу №77-3290/2021 // ГАС «Правосудие».

62. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7.06.2012 №46-О12-23СП // ГАС «Правосудие».

63. Приговор Братского городского суда Иркутской области от 18.02.2020 по делу № 1-36/2020 // ГАС «Правосудие».

64. Приговор Даниловского районного суда Волгоградской области от 22.07.2020 по делу № 1-20/2020 // ГАС «Правосудие».

65. Приговор Дудинского районного суда Красноярского края от 27.04.2015 по делу № 1-18/2015 // ГАС «Правосудие».

66. Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары от 10.07.2020 по делу №1-234/2020 // ГАС «Правосудие».

67. Приговор Павловского городского суда Алтайского края от 17.01.2020 по делу № 1-1/2020 // ГАС «Правосудие».

68. Приговор Сухоложского городского суда Свердловской области от 13.07.2020 по делу № 1-119/2020 // ГАС «Правосудие».

69. Приговор Черноморского районного суда Республики Крым от 20.07.2020 по делу № 1 44/2020 // ГАС «Правосудие».

70. Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 10.11.2021 по делу № 1-127/2021 // ГАС «Правосудие».